

Анна Леонтьева

Детские люди

Дневник о жизни, в которой есть место счастью

«Я принимаю мир не как оптимист, а как патриот. Мир — не пансион в Брайтоне, откуда мы можем уехать, если он нам не нравится. Он — наша фамильная крепость с флагом на башне, и чем хуже в нем дела, тем меньше у нас прав уйти», — писал Гилберт Кийт Честертон. Значит ли это, что мы обречены лишь на безрадостную борьбу в этой крепости? И бывает ли так, чтобы, несмотря на все несуразницы, мир нам очень нравился? Думается, поиск ответов на эти вопросы и есть то, что объединяет такие, казалось бы, непохожие друг на друга истории из жизни Анны Леонтьевой.

Сочувствие

Иногда звонишь кому-нибудь — просто в поисках сочувствия. Не несчастная, а уставшая. Дети делают все не так и говорят все не то. Бабушки запрещают называть себя бабушками, ходят в фитнес-залы и не желают приехать посидеть с детьми. Старший сын после Литургии еще в машине заявил, что ничего не чувствует особенного после Причастия. «Я должен, мама, почувствовать, да? А я не чувствую!» Младшие дома слегли с температурой. Доктор, которому звонишь много лет, ехидно замечает в трубку, что таких бестолковых мамочек, которые не могут толком объяснить симптомы, еще поискать. Неужели и не найти? — думаешь ты, в свою очередь ползая под кроватью, куда завалилась соска для младшего. Муж, кажется с облегчением, говорит «до вечера, дорогая», и хлопает дверкой машины. Бам! — и наш мир остается у него по ту сторону железной дверки. И он в костюме едет по важным мужским делам.

И ты звонишь подруге, чтобы вывалить на нее все это. И в ответ слышишь рассказ про успехи детей, интересную работу и грядущие путешествия. И какой-нибудь разумный совет. О том, что «сколько можно сидеть дома. Давно пора в костюм и в коллектив». Не получив никакого заряда бодрости, звонишь другой подруге. Но ее жизнь еще прекраснее предыдущей, а советов по воспитанию детей и организации времени — еще больше. Вот только у тебя почему-то нет, совсем нет — именно сейчас, именно сегодня — никаких душевных сил им следовать. Ты просто очень устала. Вздыхаешь и звонишь самой последней подруге.

И наконец слышишь... тишину. В этой тишине ты рассказываешь все свои беды. Она не советует, а сочувствует. То есть она с тобой чувствами, а не советами. И она говорит: «Дааа... понимаю. Как я тебя понимаю». Вот и все. Все, что тебе было нужно. И снова есть силы, и доктор приехал и всех вылечил, и муж вернулся, и старший сын перед сном бормочет: «Мама, но только точно-точно скажи: встречу ли я в раю своего старого хомяка?» И жизнь продолжается, и она прекрасна...

Второй шанс

В жизни бывает много случаев, когда хотел было сделать что-то хорошее — но постеснялся. А почему? Да много причин. Первое: мы живем в городе, люди заняты, и проявлять мелочное сочувствие часто кажется неприличным, даже какой-то гордостью. Ну вроде: кто я такой, чтобы помогать? Второе: не всегда успеваешь среагировать. ➔

АННА ЛЕОНТЬЕВА

Родилась в 1969 году в Москве. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета. Воспитывает троих детей. В свободное время изучает греческий язык и принимает гостей. А еще записывает для радио «Вера» небольшие эссе о жизни, детях, о любви — их можно прослушать на сайте radiovera.ru.

Как часто я в своей взрослой жизни ем это варенье за диваном — надеясь на то, что Бог моего варенья за диваном — не видит!..

Много людей вокруг, мыслей, ты не сосредоточен ни на чем, и — раз! — момент упущен.

Стою в очереди в дорогом кафе. Хочу кофе и пирожное. Входит бабушка. Она внимательно изучает витрину пирожных, я знаю, бабушки очень любят сладкое, моя бабушка любила. Она спрашивает у продавца: вот это, с кремом — сколько стоит? Продавец и рад бы назвать ей сумму, намного меньшую настоящей, но он — просто продавец, и с виноватым видом он говорит: 200 рублей. Бабушка вздыхает и уходит. Уходит, уходит — у меня есть несколько секунд — где, объясните, где моя реакция? Секунды проходят — ну скорее! — я наконец вспоминаю свою бабушку, вспоминаю, что бабушки любят сладкое, прокручиваю в голове сумму 200 рублей — и вылетаю на улицу, чтобы догнать бабулю! Я так хочу купить ей все пирожные, что она захочет! Но она завернула за какой-то из углов и лишила меня возможности ее побаловать.

Объясните мне, почему мне больше не хочется ни кофе, ни пирожных? Я сажусь в свою машину, трогаюсь с места, говорю: «Господи, ну если Ты дал мне такие медленные реакции, так давай мне каждый раз другой шанс! Ну типа дубль два: чтобы успеть!» Почему-то на сердце скребут кошки. И тут

же к машине на светофоре подходит бабуля, за поданием. Я даю ей денежку, почему-то смущенно бормоча: «Во славу Божию!» — и она с достоинством отвечает: «Крепости в вере вам!» Трогаясь на зеленый, с умопомрачительной ясностью осознаю эту ко мне милость: «Второй шанс, барышня, заказывали?» Я очень стараюсь реагировать вовремя, но когда не получается, можно помолиться о втором шансе...

Варенье

Бывают такие моменты, когда ты слышишь какое-то правильное слово — и понимаешь что-то для себя очень важное. Вот один из таких эпизодов. В моей жизни очень много детей. Не только потому что у меня их трое. Я работаю с подростками в детском лагере. Это трудоемкая, но очень радостная работа. Объясню почему. Дети, оказавшиеся в лагере без родителей, начинают создавать свое детское общество. Преподаватели их пытаются направить в нужное русло, заинтересовать. Дети все равно живут своей интересной и интенсивной детской жизнью. Говорят удивительные «детские» вещи. Иногда от этой жизни очень устаешь.

В наш международный лагерь приезжает сложный парень по имени Тихон. Ему восемь лет, он сирота. Он каждый раз идет на мою кафедру —

я веду кафедру журналистики — и считает себя очень крутым журналистом. Он маленький. Мне тяжело. Он не умеет толком писать, хотя у него, как и у всех, есть девайс — старенький компьютер. Вечер. Мы с преподавателями сидим и пытаемся обсудить планы на завтра. Завтра — куча мероприятий, нам еще надо поспать хотя бы несколько часов. Приходит Тихон и говорит: «Аня, — мы все называем друг друга по имени. — Я не могу заснуть!» Я ворчу, провожая его в комнату. Я говорю: ты вряд ли сможешь заснуть, бегая по этажам. Я говорю: вообще лучший способ заснуть — это хотя бы прилечь, я знаю, это — проверено! Я вхожу в его комнату и понимаю, что заснуть ему просто негде. На его постели спрятаны право на место компьютер, телефоны, туалетная бумага и мокрые полотенца. Я убираю их, и он засыпает, не успев договорить фразу о том, что у него страшная бессонница. На середине фразы он уже видит какой-то сон. Но напоследок он говорит мне: «Мама перед смертью всегда говорила мне, что Бог все видит». Я говорю: «Это к чему?» Он говорит: «У меня в тумбочке стоит варенье, целая банка. Аня, ты можешь взять». Я говорю: «А зачем тебе варенье в тумбочке?» Он говорит: «Аня, я просто очень люблю варенье. Я всегда воровал варенье и ел его за диваном. Я говорил себе: Бог же не видит, когда ты ешь варенье за диваном...»

Я сижу у его постели, с радостью слышу, что он сладко спит, и поражена одной мыслью: Господи! Как часто я в своей взрослой жизни ем это варенье за диваном, надеясь на то, что Бог моего варенья за диваном — не видит!..

Нет ни эллина...

Есть такая песня хорошего молодого рэпера: «Ты не видел китайской стены — ты не был в Китае, ты не видел мою бабушку — ты меня не знаешь!»... Моя бабушка была совсем еврейская, ведь даже прадедушка по этой линии был иудейский толкователь Талмуда. При этом моя Ба репетиторствовала по русскому языку с соседскими детьми. Почти всех она учила бесплатно. Люди эти, говорила она, неимущие. Все остальное она тоже раздавала бесплатно, один раз я вырвала из ее рук даже свой альбом с марками. «Это же мой!» — возмутилась

я. «Я думала, тебе больше не нужен, — потупилась виновато бабушка. — А у Леши нет денег на такие марки...» Наверное, не стоит объяснять, что в наследство от Ба мне досталась только старинная серебряная сахарница. Ее невозможно было отдать никому, в ней же все время был сахар! Бабушка покрестилась в 85 лет, а в 86 умерла. Перед смертью к ней ездили все мои друзья-батюшки, причащать, просто так, без моих даже просьб. Просто они считали, что мою бабушку надо навещать. Когда бабушка заснула с градусником (я поместила ее в больницу обследовать) и больше не проснулась, доктор, который успел полюбить ее, позвонил мне и плакал. Когда раздался стук гвоздей, забываемых в бабушкин гроб, отец Владимир Мишкорез из храма в Останкине сказал мне: «Я думаю, Бог пристроит ее где-то рядом с Собою, потому что она была очень детским человеком, а Богу очень нужны рядом детские люди!» Вот так и утешаюсь: есть в раю детские люди, и нет ни эллина, ни иудея!..

О чем жалеть?

Всякий раз во время поста, когда мозг немного разгружается от суеты, я начинаю думать о том, о чем бы я жалела перед смертью. Ну или — что уж тут — о чем обязательно буду жалеть. Например, после смерти моей бабушки — я думаю, многие меня поймут — я жалела о том, как мало ее навещала. И что она мечтала полететь в Японию, потому что любила японскую культуру — а я не удосужилась ее туда отвезти. Хотя могла. А о чем я буду жалеть перед своей смертью? Точно не о том, что я не сделала карьеру. А о самых простых и пронзительных вещах. Что я мало сидела на ночь со своими маленькими детьми. Хотя я сидела. И рассказывала им сочиненные мною же сказки. И пересказывала книжки. И качала колыбельки. Но мало, теперь кажется, что мало. Что мне было скучно на детской площадке, когда дети играли в песочнице. Что я не приезжала к мужу в офис на обед, просто чтобы поговорить и пообедать вместе. Что я много лишних и порой обидных слов сказала маме. Хотя она, конечно, меня простила. Что много выставляла ей претензий, осуждала. Я помню, как на свое тридцатилетие сказала: ➔

реклама

ПРАВОСЛАВНАЯ ВАРНИЦКАЯ ГИМНАЗИЯ

Гимназия имеет гос. лицензию и аккредитацию

на родине преподобного
Сергия Радонежского
принимает учащихся
в 10-11 классы
на полный пансион

8(960) 531-61-36

varnicy@yandex.ru; www.varnicy.ru

«Мама! Я снимаю все свои обиды и претензии к тебе». Я не ожидала, что мама так расплачется... Я буду жалеть, что потратила много времени не на своих любимых. И не на свое любимое. Что много болтала ни о чем со светскими друзьями. Что слушалась советов типа «Вы должны тратить время на свои удовольствия, и говорить семье, что имеете на это право!» Что унывала по ничтожным поводам — перед смертью я пойму, как они были ничтожны. Что в спешке не дала подаяния жалкой бабулечке в метро. Я не буду жалеть, что у меня никогда не было норковой шубы. И что я не научилась ходить на высоких каблуках. И что не стала большим начальником. Этот список бесконечен! Я предлагаю уже сейчас начинать об этом думать — чтобы жалеть потом как можно меньше!

Плакать или нет?

Я очень, очень искренне сочувствую всем подросткам. Ведь подростковый возраст всегда связан с большим количеством чувств и настоящих драм. Когда мне было семнадцать, к нам в школу пришел учитель литературы. В него влюбились все девочки класса, он был очень умный и играл на гитаре. Он рассказывал удивительные вещи и умел нас слушать. Я тоже думала о нем каждый день, а по ночам писала ему письма и стихи, и много, много плакала. Ему нравились мои стихи, но прошли годы, и он женился — не на мне, а я вышла замуж — не за него. У нас рождались дети, они привели нас к Богу, и в конце концов мы стали прихожанами одного и того же храма в нашем большом городе.

Мы подружились семьями. Жена моего бывшего учителя стала моей лучшей подругой, и в течение многих лет мы помогаем друг другу. Когда наши дети болели, мы находили прекрасных докторов, когда они выросли, мы отыскивали чудесных психологов — и детям, и себе. Я не знаю, как справилась бы со всеми своими и детскими проблемами без жены моего бывшего учителя, без него самого и его семьи. Я не могу сказать, что у меня нет больше поводов поплакать, жизнь постоянно подкидывает разные поводы для счастья и разные поводы для слез. Однако количество лет после школы как-то стало измеряться уже не годами, а десятилетиями, и можно оглянуться назад, и можно увидеть все неожиданные повороты наших дорог. Не всегда всё шло так, как мы задумали. Недавно мой старший сын научился играть на гитаре в семье моего бывшего учителя. Недавно старший сын моего бывшего учителя признался в любви моей дочери. И я подумала: у Бога свое, очень тонкое, чувство юмора, и как бы объяснить подросткам лет семнадцати-плюс-минус, что возможно, Бог не обязательно устроит всё так, как они хотят. Скорее всего, Он сделает это гораздо, гораздо лучше. Если бы все подростки знали об этом, они бы гораздо, гораздо меньше... плакали по ночам!

О языках

Как-то раз встречалась с образованным и очень чутким к языку батюшкой. Он сказал, что Библию

стоит перечитывать хотя бы из-за того, что русский язык постепенно портится, а церковнославянские слова носят сакральный, глубинный характер. Вот, например, сказал он, слово — страхование — в старом русском языке означало не страхование машины. А такое состояние человека, когда на него нападают всякие страхи. Ну и много таких слов, сказал он, вчитывайтесь, читайте.

При неожиданных обстоятельствах вспомнила совет батюшки. Еду в деловую командировку. В экспресс до аэропорта со мной садятся двое молодых мужчин в костюмах. Опытным глазом и ухом определяю: менеджеры среднего звена. Разговор протекает примерно так. «А я говорю, Илья Иванович, нужны аполоджайзы, вы поймите, инвайронмент изменился, реалии все совсем новые, логистика требует совершенно дифференцированного подхода к клиенту...» Я так заморожена разговором, что достаю блокнот и пытаюсь записывать. Но не могу удержать улыбки. Один из мужчин, возможно, думая, что я записываю производственные тайны, вежливо, но холодно спрашивает меня: «Мы говорим что-то для интервью?» — «Извините, говорю, пожалуйста, просто у вас такой интересный язык. Я ньюсвумен, и удивлена, что тотальный пойнт вашего спича, к сожалению, ускользает от моего понимания...» Мужчины сдержанно улыбнулись. Эта птичья речь была им понятна и естественна. А я совсем не обиделась на них за наше взаимонепонимание. Потому что в самолете на меня напало это... страхование. И вспомнив про беседу в экспрессе, достала Евангелие. И помогло, конечно. Я читала его все три часа полета, вчитываясь в каждое слово. Потому что недаром мудрость гласит: каждый человек, который встретился у тебя на пути — твой учитель. Хоть в данном случае и менеджер...

Тролли

От детства остается много осколков, которые если сложить и закрыть в детский калейдоскоп — ну, знаете, который вращаешь и видишь, как там меняются сказочные узоры, — получается твой собственный, из твоих осколков, твой мир. В эту трубу сказочно заглядывать, сердце как-то щемит, и все осколки складываются в узоры — всегда новые.

Когда мне было лет шесть, мама, папа и бабушка с дедушкой подсадили ко мне на подоконник тролля. Он там жил. В его задачу входило писать мне записки с увлекательными рассказами из жизни троллей, но еще и уносить или хотя бы обгрызать мои конфеты. Он оставлял по себе картинки и мандарины. О, мои изобретательные родители! Как ловко, как прагматично вы роетесь в наших мозгах, извлекая именно то, что вам нужно! А эти каверзные вопросики: «А какие стишки, мой человеческий друг, ты прочитал сегодня в детском саду? Прочитай их еще раз над конфеткой, и она перескажет их мне...»

И я честно отвечала любимому другу, пока... ах... пока бабушку не уложили в больницу с давлением, и мои конфеты остались засыхать на подоконнике. Тогда я окончательно разоча-

*Какие мы все еще дети,
как нужны нам сказки и в то же
время запреты. А и то, и другое
во взрослой жизни снимают...*

ровалась в троллях, перестала спать, и стала на ночь придумывать бесконечно длинные истории про людей и зверей. Помню полосочку света под дверью, дверь приоткрывается — это мама. «Спать!» — «Мам, ну можно еще немножко... подумать?» — «Еще немножко — и все! Но потом все же спать!» И я послушно переставала думать.

Столько лет прошло, и больше никто не писал мне записки из тролльской жизни. А так хочется этих сказочных весточек. И какие мы все еще дети, как нужны нам сказки и в то же время запреты. А и то, и другое во взрослой жизни снимают... и вместо этого кладут на плечи полную и не всегда легкую ответственность. За себя, за семью, за работу, за близких... Поэтому так часто, когда лежишь в темноте с воспаленными от дум и бессонницы глазами, хочется, чтобы появилась эта полосочка под дверью. Ну хорошо, ты взрослый человек, поэтому не мама, а — «Господи — ну хоть Ты — скажи: всё, пора спать, на сегодня хватит — думать!»

Дети и книжки

Дети очень точно понимают смысл хороших книжек. Многие друзья говорили мне, что для них самая смешная книжка на свете — о приключениях Алисы в Стране Чудес. Я с детства не могла понять, почему. Она умная, изобретательная, написана с тонким юмором и некоторыми математическими загадками, но я всегда воспринимала перипетии девочки Алисы — ну очень

отстраненно что ли. Проверила на детях. Самая лучшая книжка, сказали мне они, — это Винни-Пух. А почему — уточнила я? «Самый смиренный, самый кроткий мишка на свете все время оказывается самым мудрым. Он всегда говорит: у меня в голове опилки! А сам принимает самые правильные решения. Всех спасает. Всех согревает». И так далее, и тому подобное — как говорил герой этой же сказки Ослик Иа...

Перечитайте даже сейчас, у Милна на английском или у Заходера по-русски — не пожалеете, посмеетесь и порадуетесь — ну, если давно не перечитывали. Но жизнь идет вперед, и на смену Винни-Пуху приходят «Хроники Нарнии». Тут уже мне сложнее дискутировать с подрастающими детьми — но и интереснее.

Ночь, заканчиваю чтение: «Аслан сказал, что всё, что делают плохого во имя Его, делают для Таш (богини смерти), а то хорошее, что делают во имя Таш — воин сделал для Аслана!» Ух ты, как это прокомментировать, думаю я, уже немного засыпая. Но дети не спят, они взволнованы. «Тогда почему богиня смерти Таш забрала себе воина, ну этого, главного хархистанца?» — спрашивает старший. «Ну, — пытаюсь я найти слова, — понимаешь, если бы всех подряд брали в рай, он был бы заполнен всеми подряд, а это... ммм... чревато... ммм...» — слова у меня кончаются, как и силы укладывать этих любознательных детей. Тут на подмогу неожиданно приходит младший: «Мама, я понял! Это все равно как смешать комнату для курящих и некурящих!» Я, проснувшись, говорю: «Ты о чем?» — «Мама, ну некурящие же задохнутся!» Почему я сама не смогла найти таких простых слов? Если в рай пускать всех подряд — некурящие же задохнутся! ♣

Иллюстрации **Натальи Романенко**